20 2/275

БИБЛІОТЕКИ
Оптиной Пустыни
ОТД. 5 № 1162

ПИСЬМА

ВЪ УТѢШЕНІЕ

МАТЕРИ-ВДОВИЦѢ,

ЧРЕЗМѢРНО СѢТОВАВШЕЙ

О СМЕРТИ

СВОИХЪ ДѢТЕЙ И СУПРУГА.

СОСТАВИЛЪ І. П...

Изданіе второе Козельской-Введенской Оптиной Пустыни.

МОСКВА.
Типографія М. Г. Волчанинова (бывш. М. Н. Лаврова и К°).
Леонт. пер., домъ Лаврова.
1885.

20 2/275

ПИСЬМА

ВЪ УТѢШЕНІЕ

МАТЕРИ-ВДОВИЦѢ,

РОССІЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛІОТЕКА

ЧРЕЗМѢРНО СѢТОВАВШЕЙ

О СМЕРТИ

СВОИХЪ ДѢТЕЙ И СУПРУГА.

СОСТАВИЛЪ І. П...

Изданіе второе Козельской-Введенской Оптиной Пустыни.

МОСКВА.

Типографія М. Г. Волчанинова (бывш. М. Н. Лаврова и К°),

Леонт. пер., домъ Лаврова.

1885.

2006409832

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

440-08

Отъ Московскаго Комитета для цензуры духовныхъ книгъ печатать дозволяется. Москва декабря 5 дня 1884 года.

Цензоръ Протоіерей *Михаилъ Боголюбскій*.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Вполнѣ сочувствую вашей душевной скорби, которая такъ велика и сильна, что никто изъ насъ облегчить и утолить не можетъ, кромѣ Того „Его же душа бѣ прискорбна до смерти". Всѣ наши совѣты и утѣшенія безъ Утѣшителя Духа истины не болѣе будутъ, какъ лепетаніе дѣтей.—Совершенно согласенъ съ вами, что лишиться любимыхъ дѣтей, а потомъ, въ непродолжительномъ времени, и супруга, весьма кроткаго, добраго и любвеобильнаго,—эти печаль и скорбь сердца для другихъ словами необъяснимы: ихъ могутъ понимать и въ полной мѣрѣ чувствовать только тѣ, которые имѣли дѣтей и подвергались таковымъ тяжелымъ ударамъ.

Но въ вашихъ письмахъ, исполненныхъ скорбныхъ чувствъ о потерѣ самыхъ близкихъ вашему сердцу, замѣчаются слѣды ропота на Промыслъ Божій. Вы не разъ въ своихъ письмахъ задавались такими вопросами: зачѣмъ, и для

чего рано, преждевременно и даже неблаговременно ангелъ смерти восхитилъ вашихъ любимцевъ изъ среды живущихъ, не давъ имъ (вашимъ дѣтямъ) принести ту пользу, которую они могли бы принести, и насладиться чистыми радостями настоящей жизни? Вы даже не разъ меня вопрошали: для чего допущена смерть? не лучше ли было, если бы смерти совсѣмъ не было? Кому должно жить для очевидной пользы или вопіющей нужды своихъ дѣтей и ближнихъ, смерть нещадно усѣкаетъ того въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ и даже на зарѣ жизни; кому повидимому не нужно жить, даже когда самъ живущій тяготится продолженіемъ жизни, коса смертная щадитъ того, и нить жизни не прерывается. Гдѣ же тутъ гармонія съ предназначеніемъ, для котораго дается жизнь? Гдѣ же цѣлесообразность? Такіе ваши вопросы возбудили во мнѣ желаніе, при помощи Божіей и для вашего назиданія и успокоенія духа, разсѣять эти темныя облака недоумѣній, сомнѣній и пререканій, взимающихся на разумъ Божій.

Начнемъ бесѣду съ перваго вашего вопроса: для чего Господь взялъ вашихъ родныхъ, самыхъ возлюбленныхъ, такъ рано, неожиданно и преждевременно, что не далъ имъ насладиться невозбранными радостями настоящей жизни?

Если вы искренне говорите въ своемъ письмѣ

и сердечно вѣрите, что Господь взялъ отъ васъ вашихъ любимцевъ,— яснѣе сказать: по волѣ Господней они оставили сей многомятежный міръ; то, кажется, и вопросъ этотъ почти рѣшенъ. Не Господь ли любвеобильный и милосердый даровалъ вамъ то, что составляло отраду и утѣшеніе въ вашей жизни? Вы, конечно, благодарили Владыку всяческихъ за данное. Не Онъ ли великодаровитый и преблагій взялъ къ себѣ опять то, о чемъ вы столь горько сѣтуете? Господу ли не отдать? Съ Нимъ ли входить въ пререканіе и разсчетъ? А если и вступимъ въ преніе, то всячески оправдится Онъ въ словесѣхъ своихъ, и побѣдитъ, *внегда судитися съ Нимъ*.

Если же не обрѣтаете въ себѣ столько силы и благодушія, чтобы возблагодарить Господа за взятое; если не имѣете столько твердости, чтобы подобно праведному Іову говорить: *Господь даде, Господь отъятъ; яко-же Господу изволися, тако бысть; буди имя Господне благословенно во вѣки!* (Іов. 1, 21); то по крайней мѣрѣ да удалится отъ васъ всякая ропотная мысль! Предайтесь всецѣло волѣ Божіей; понуждайте себя повторять сіи слова: *якоже Господу изволися, тако и бысть*. И это оградитъ и защититъ васъ отъ всякаго сомнѣнія, недоумѣнія и колебанія въ путяхъ Промысла Божія.

Но опять слышу вашъ голосъ, пререкающій словамъ св. Писанія: почему *изволися*? Лучше бы и утѣшительнѣе для насъ было слышать слово: *не изволися*. Это изволеніе, въ разсужденіи моихъ почившихъ, все же преждевременно и неблаговременно; и сѣтованіе мое объ нихъ продлится до гробовой доски.

Но речетъ ли брéніе скудельнику: *почто мя сотворилъ еси тако* (Рим. 9, 20)? Дерзнемъ ли мы слабые говорить, чтобы у вездѣсущаго, всевѣдущаго и всеблагаго Промыслителя о нашей жизни и спасеніи было что-либо неблаговременное и преждевременное? Часы и минуты жизни отшедшихъ въ вѣчность—были выбраны для нихъ самые лучшіе и благовременные: потому что назначены и распредѣлены по волѣ Того, въ десницѣ Коего ключи жизни и смерти. Кто знаетъ, что было бы съ почившими отъ продолженія жизни? Лучшими ли бы они сдѣлались въ нравственномъ отношеніи? И если бы лучшими, то безъ сомнѣнія продолжилась бы ихъ жизнь по волѣ Жизнодавца.

Мы теперь очень мало или совсѣмъ не постигаемъ причинъ нашихъ скорбей и бѣдствій,— не понимаемъ и путей Провидѣнія Божія, направляющаго эти скорби къ нашему спасенію.— Но будетъ время, когда всѣ обстоятельства нашихъ здѣшнихъ лишеній и потерь раскроются

со всею подробностію; разрѣшатся всѣ недоумѣнія, какія только рождались, при взглядѣ на многія печальныя событія, разъяснятся въ полномъ свѣтѣ предъ нами великіе и доселѣ необъяснимые планы Божіи обо всѣхъ предметахъ въ точности. Тогда ясно мы узримъ тотъ путь, который представлялся намъ непрямымъ, тернистымъ и даже отводящимъ отъ благой цѣли. Тогда-то мы не только будемъ благодарить Господа за ту горькую чашу скорбей, которую суждено было намъ пить, но и возблагоговѣемъ предъ судьбами Его неизглаголанной любви къ намъ и премудрости.

Вы безъ всякаго испытанія и прекословія довѣряли и довѣряете земнымъ врачамъ, когда они назначаютъ время пріема лѣкарствъ для больныхъ, хотя врачи, какъ люди, могутъ ошибаться. Врачу ли небесному не довѣрить? Ему ли возражать, чтобы Онъ не зналъ времени, когда лучше, полезнѣе и благовременнѣе взять къ Себѣ кого-либо изъ среды земнородныхъ? И вотъ Онъ, премилосердый Господь, по любви Своей къ любимымъ вашимъ дѣтямъ, преставилъ ихъ въ небесныя обители, *да не злоба измѣнитъ разума ихъ, или лесть прельститъ душу ихъ. Угодна бо бѣ Господеви* (каждаго изъ дѣтей вашихъ) *душа его: сего ради потщася отъ среды лукавствія* (Прем. Сол. 4, 11, 14). *Раченіе бо*

злобы помрачаетъ добрая, и пареніе похоти премѣняетъ умъ незлобивъ (ст. 12 тамъ же). Теперь сами видите, съ какою отеческою заботливостію, и для какой цѣли, по словамъ мудрѣйшаго изъ царей, преблагій Господь изъемлетъ сыновъ персти изъ сего міра суетнаго и коловратнаго: *да не злоба измѣнитъ разума ихъ, или лесть прельститъ души ихъ.* А злоба и лесть сего міра, подкрѣпляемыя своими споспѣшниками,—врагами — видимымъ — домашнимъ, и невидимымъ—духомъ злобы,—хоть кого собьютъ съ истиннаго пути. Эти враги низлагали самыхъ великихъ мужей благочестія съ высоты богоподобія. Мы всѣ въ мірѣ ходимъ посредѣ сѣтей; со всѣхъ сторонъ окружены камнями претыканія, соблазнами, опасностями, обуреваніями, бѣдами, по словамъ А. Павла: *бѣды въ рѣкахъ, бѣды отъ разбойникъ, бѣды отъ сродникъ, бѣды отъ языкъ, бѣды во градѣхъ, бѣды въ пустыни, бѣды въ мори, бѣды во лжебратіи* (2 Кор. 11, 26). При малѣйшей неосторожности и невниманіи къ своей жизни, человѣкъ запутывается въ сѣтяхъ міра сего, и, такъ сказать, весь погрязаетъ въ бѣдахъ. Послѣ сего можете ли вы ручаться за своихъ любимцевъ, чтобы они безопасно и безпретковенно прошли по скользкому пути здѣшней жизни, въ продолженіи дальнѣйшаго пребыванія ихъ на землѣ?

Въ самомъ дѣлѣ, сколько преткновеній и опасностей угрожаетъ человѣку на пути жизни? Юность, воспламеняемая собственными страстями; мужество, обремененное житейскими попеченіями и заботами; старость, удручаемая своими недугами,—все можетъ обременить, опутать, оковать, какъ бы цѣпями, и увлечь человѣка въ бездну суеты и крушенія духа, гдѣ вмѣсто ожидаемыхъ радостей, слышатся одни вопли и стоны раскаянія, иногда очень поздняго.

Не часто ли случается, что первый шагъ изъ состоянія дѣтства бываетъ уже шагомъ къ пороку, и первый порывъ страсти увлекаетъ сердце въ погибель? И не бываетъ ли иногда плодомъ жизни долговременной одно горькое раскаяніе? О, какъ многіе изъ долго прожившихъ, искренне пожелали бы, чтобы многіе годы жизни ихъ навсегда были изглаждены! Какъ многіе охотно возвратились бы въ то состояніе, когда сердце ихъ еще не вкусило горечи грѣха! Посему-то умирающіе рано не блаженнѣе ли тѣхъ, коихъ премудрость Божія надолго оставляетъ влачить здѣсь скорбную жизнь? И смерть ранняя, и повидимому, преждевременная, не благовременнѣе ли иногда бываетъ и лучше смерти поздней?

Огорчаетъ ли васъ, (продолжимъ еще прежній вопросъ), кажущаяся неблаговременность

смерти вашихъ почившихъ? Но жизнь наша въ рукѣ Божіей; кто же можетъ неблаговременно восхитить ее изъ руки Бога всемогущаго? И самая смерть, какъ и жизнь—въ рукѣ Господней; можетъ ли неблаговременно и преждевременно придти смерть, безъ вѣдома Его—всевѣдущаго? Безконечно милосердіе и многое долготерпѣніе у Господа, который щадитъ и самыхъ грѣшниковъ, можетъ ли не даровать нужнаго времени жизни вѣрующимъ въ Него и любящимъ Его? Непостижимая премудрость Божія, вся направляющая къ благой цѣли, допустила ли бы умереть кому-либо не во время? И мы несомнѣнно вѣруемъ и васъ убѣждаемъ вѣрить, что ваши присные оставили васъ и вся, яже въ мірѣ семъ, тогда, когда для нихъ разрѣшиться отъ узъ плоти и быть въ другомъ мірѣ гораздо лучше и блаженнѣе, нежели пребывать во плоти!

Тяготитъ ли сердце ваше самая разлука? Но изъ страны чуждой не съ скорбію, а съ веселіемъ провожаютъ на родину; изъ мѣста изгнанія не съ слезами, а съ радостію возвращаются на свободу. Что же иное земная жизнь наша, какъ не время странствованія и пришельствія, гдѣ всѣ мы странники и пришельцы? Что же небо, какъ не родное отечество наше? Что земля, какъ не мѣсто изгнанія изъ рая? Что будущая

жизнь, какъ не свобода духа отъ земныхъ узъ и земныхъ скорбей?

Такъ мы вѣримъ и васъ просимъ вѣрить, что почившіе, достигнувъ тихаго пристанища, сами не захотѣли бы возвратиться паки въ вѣчно волнующееся море житейскихъ попеченій; — узрѣвъ небо съ райскими красотами, не пожелаютъ тлѣнной красоты земныхъ благъ, которыя подобно красному, но горькому плоду, обольщаютъ только неопытныхъ, не не прельстятъ того, кому смерть открыла всю ихъ горечь.

Скорбитъ ли сердце при видѣ юныхъ, безвременно оставшихся сиротами? Но и здѣсь мѣсто не скорбному страданію, а утѣшительному состраданію, —не безотрадной печали, а отрадной для духа любви христіанской.—Бѣдность и богатство, сиротство и отчество, лишенія и изобиліе подаются людямъ тою всесильною Десницею, которая нерѣдко творитъ богатаго убогимъ, а нищаго посаждаетъ на престолъ. Эта десница Отца небеснаго, отъемля родителей у чадъ, или чадъ у родителей, тѣмъ пріискреннѣе усыновляетъ ихъ себѣ.

Сія щедродательная Десница, возлагая на насъ крестъ, ниспосылаетъ въ немъ и благодатное утѣшеніе. Съ другой стороны бѣдность и богатство, благополучіе и несчастіе въ рукахъ Промысла Божія — суть средства къ утвержденію

насъ въ вѣрѣ и благочестіи христіанскомъ, что составляетъ главную цѣль нашей жизни,—единственный предметъ попеченія Божія Промысла о насъ. Какое изъ сихъ средствъ, кому и когда приличнѣе и сообразнѣе съ чьими силами,—знаетъ Онъ всевѣдущій и назначаетъ время каждому по своей премудрости, сколько нужно прожить.

У Отца небеснаго не только лѣта и дни жизни нашей, но и „вси власи главніи изочтени суть". Значитъ не иной кто, а Самъ Отецъ небесный, положившій времена и лѣта въ своей власти, назначаетъ каждому время жизни, для кого сколько нужно. Онъ Самъ и воззываетъ каждаго къ Себѣ, когда нужно: „изочтени суть и мѣсяцы человѣка отъ Тебе",—молится праведный Іовъ,—на время положилъ еси, и не преступитъ".—Можно ли послѣ сего назвать чью-либо смерть преждевременною и неблаговременною, хотя бы она постигла кого въ самомъ раннемъ возрастѣ? Нѣтъ, всеблагій Отецъ небесный, не хотяй смерти и самаго грѣшника, не отозвалъ бы человѣка въ другую жизнь, если бы для него лучше было оставаться здѣсь; Всевѣдущій и Премудрый не попустилъ бы никому умереть не во время.

Въ самомъ дѣлѣ, что есть жизнь наша? Это время нашего изгнанничества и странствованія. Съ тѣхъ поръ мы всѣ—потомки Адамовы,—не

имамы здѣ пребывающаго града, но въ раскаяніи грядущаго взыскуемъ; и всѣ, рано или поздно должны возвратиться отселѣ въ небесное отечество единственнымъ и неизбѣжнымъ путемъ смерти. Кто скорѣе заслужилъ возврата въ небесную отчизну,—для того милосердый Господь сокращаетъ время изгнанія. Должно ли сожалѣть о томъ, что для нѣкоторыхъ время земнаго странничества сокращается по милосердію Судіи небеснаго? Должно развѣ скорбѣть и вздыхать тогда, когда бы оно продлилось слишкомъ долго.

Быть можетъ мы теряли изъ виду, что данное намъ дано было на время, и взятое отъ насъ взято также на время;—забывали и то, что мы здѣсь странники и пришельцы. Быть можетъ, находясь среди пріятностей жизни, мы находились на опасномъ пути; легко могли увлечься земными удовольствіями и забыть о цѣли нашего бытія; но не забылъ, а безъ сомнѣнія лучше насъ знаетъ и помнитъ о насъ Тотъ, по волѣ Коего мы посланы въ эту юдоль плача. И вотъ Онъ благоволилъ вывесть изъ сего самозабвенія, взявъ отъ васъ то, что составляло утѣшеніе въ вашей жизни. Послѣ сего будемъ ли жаловаться и роптать на Промыселъ Божій, что Онъ, для нашей же пользы, сильнѣе и громче напоминаетъ намъ о нашемъ назначеніи? Что насъ внятнѣе и слышнѣе зовутъ въ

небесное отечество? Не то ли, что у васъ взято въ залогъ непремѣннаго нашего туда прибытія то, что было самаго утѣшительнаго въ кругу вашего семейства.—Пройдетъ нѣсколько лѣтъ, а можетъ быть—дней горькой разлуки, и мы опять узримъ ихъ, узримъ и соединимся съ ними такъ, что болѣе никогда не разлучимся. Мы почившихъ теперь провожаемъ, а они насъ срѣтятъ: это долгъ взаимный. Объ одномъ только всячески должно заботиться, чтобы встрѣча сія была и для нихъ, и для насъ не на укоризну, а на общую радость. Въ противномъ случаѣ такая встрѣча была бы и для насъ, и для нихъ горчае самой смерти.—Да, горько провожать своихъ присныхъ; но какъ невыразимо-сладостно будетъ, когда, по милосердію Божію, они срѣтятъ насъ въ обителяхъ и для обителей Отца небеснаго! Смертію расторгаются всѣ наши земныя отношенія съ почившими, но духовныя, можно сказать, только и начинаются смертію въ возвышеннѣйшемъ и чистѣйшемъ своемъ видѣ. Мы земные можемъ иногда забывать ихъ, а отшедшіе въ вѣчность никогда не забудутъ насъ.

Итакъ, пусть они идутъ впередъ насъ къ блаженной вѣчности: это имъ возмездіе за то, что рано по вашему мнѣнію, оставили радости здѣшней жизни. Но какія радости и удовольствія? Большею частію мутныя, скоропреходящія, из-

пурительныя, растворенныя горестію и весьма часто вредныя для души и тѣла, кои съ продолженіемъ времени перестали бы насъ утѣшать. Такія радости, продолженныя на долгій періодъ времени, не только бы обратились почившимъ въ тяжелое бремя, но и составили бы для нихъ невыносимое мученіе. Такими радостями они дѣйствительно не насладились, но безъ всякаго сомнѣнія наслаждаются чистѣйшими и духовными.

Можетъ ли быть что-либо чище и возвышеннѣе той радости, которая проистекаетъ изъ любви къ Богу Отцу и промыслителю; къ Богу Сыну-ходатаю и искупителю нашему, къ Богу Духу Святому—утѣшителю и освятителю? Послѣ любви къ Богу, не есть ли первая изъ человѣческихъ радостей и утѣшеній—любовь къ ближнему? А почившіе ваши любимцы имѣли ее въ преизбыткѣ. Кто не знаетъ, съ какимъ усердіемъ и искреннею любовію всегда готовы были они оказать помощь страждущему человѣку, при видимомъ недостаткѣ иногда собственныхъ средствъ? Подчиненные имъ и сторонніе люди, обремененные лѣтами, а еще болѣе болѣзнями, нуждами и скорбями во всякое время находили для себя великое утѣшеніе въ добрыхъ ихъ совѣтахъ, въ радушномъ пріемѣ, въ ласковомъ

словѣ, а паче всего въ благотворномъ вспомоществованіи ихъ нуждамъ.

Равнымъ образомъ: наслажденіе родственною любовію, расположеніе и вниманіе единокровныхъ и близкихъ къ сердцу почившихъ не составляло ли для нихъ наслажденія самаго чистаго и драгоцѣннаго? а чувствомъ мирной и покойной совѣсти, а стремленіемъ ко всему доброму и истинно полезному развѣ не насладились ваши дѣти и супругъ? Послѣ сего для меня становится непонятнымъ,—о какихъ радостяхъ и удовольствіяхъ вы пишете, коими не насладились бы ваши почившіе? Не думаю я, чтобы вы пожелали имъ насладиться всѣми удовольствіями міра сего, въ которомъ, какъ въ зеркалѣ, крупными буквами отражаются эти удовольствія въ сихъ словахъ: „*все, еже въ мірѣ семъ, похоть плотская, похоть очесъ и гордость житейская*“ (1. Іоан. 2. 16).

Надобно благодарить Господа, что почившіе такими удовольствіями не наслаждались.

Земля со всѣми ея наслажденіями, очевидно, не жилище человѣка, а только гостинница, изъ которой, выходя, сынъ персти долженъ шествовать къ вратамъ блаженной вѣчности. А что же тѣло наше? Оно будетъ тоже для духа, что скорлупа для птенца: птенецъ образовался, и скорлупа отпадаетъ. Если бы младенцу въ матерней

утробѣ, предъ его рожденіемъ сказали, а онъ могъ это уразумѣть, что онъ долженъ родиться для другаго міра, жить новою жизнію, совершенно отличною отъ прежней, гораздо лучшею; младенецъ не могъ бы понять нашего обѣщанія; онъ сталъ бы жалѣть о той жизни, которою жилъ, и съ которою долженъ навсегда разстаться. Подобнымъ образомъ и мы жалѣемъ и плачемъ о разлукѣ съ земною жизнію. Теперь намъ трудно представить, какая это жизнь за гробомъ, и что тамъ насъ ожидаетъ? Но за то, какъ младенецъ, по рожденіи, ни за что не согласится возвратиться въ утробу матерню, не взирая на свои слезы въ новомъ мірѣ; такъ и умершіе въ Бозѣ сочли бы для себя величайшимъ бѣдствіемъ, если бы имъ суждено было возвратиться, въ нашъ многобѣдственный міръ и облечься опять въ плоть и кровь. Такъ мы видимъ въ жизнеописаніи св. Божіихъ нѣкоторые примѣры касательно того, съ какою неохотою и даже принужденіемъ возвращались въ міръ сей изъ міра духовнаго *); и только по особенному повелѣнію Божію, и для очищенія грѣховъ душа входила въ тѣло *), а другіе совсѣмъ не пожелали воз-

*) Смотри въ Четь-Минеи жизнь препод. Василія новаго, память котораго совершается 26 марта, и блаженныя Ѳеодоры — о мытарствахъ.

*) Зри въ Четь-Минеи жизнь воина Факсіота, 28 марта, воскресшаго изъ мертвыхъ.

вратиться въ сію страну смерти и тлѣнія, хотя имѣли возможность.

Вотъ примѣръ! Нѣкогда благочестивая вдова, именемъ Клеопатра, взявъ мощи св. мученика Уара, соорудила во имя его храмъ, въ которомъ и поставила оныя. По окончаніи литургіи и молебнаго пѣнія, Клеопатра дѣлала угощеніе духовенству, народу, нищимъ и странникамъ, прислуживая сама при столѣ съ юнымъ сыномъ своимъ Іоанномъ.—Но ввечеру вдругъ Іоаннъ разболѣлся такъ тяжко, что въ полночь умеръ.— Отчаянная мать побѣжала въ церковь св. Уара, и повергшись предъ гробомъ, горько вопіяла: „Угодниче Божій! возврати мнѣ дитя мое. Безъ него некому при смерти закрыть очей моихъ,— предать гробу тѣло мое.—Ахъ! лучше бы мнѣ самой умереть, нежели видѣть сына моего умершимъ. Угодникъ Божій! или умилосердися надо мною, или возьми теперь же и мою душу. Не могу жить безъ возлюбленнаго Іоанна“. Такимъ образомъ стеня и рыдая отъ чрезмѣрной скорби и изнеможенія Клеопатра заснула. Вдругъ явился ей св. мученикъ, держа на рукахъ своихъ Іоанна, имѣя на себѣ ризы бѣлыя, какъ снѣгъ, о чреслахъ златые поясы, а на главахъ драгоцѣнные вѣнцы, они блистали подобно солнцу. Восхищенная Клеопатра повергласъ на колѣна, но св. Уаръ поднялъ ее.—Усердная почитатель-

ница страстотерпцевъ! я не забылъ твоихъ благодѣяній оказанныхъ моему тѣлу; всегда слышу твои молитвы и молюся о тебѣ къ Богу. Желая въ полной мѣрѣ вознаградить тебя за добрыя дѣла, я молилъ Бога, чтобы онъ сопричислилъ сына твоего лику Ангеловъ.—Виждь славу его. О чемъ же столь горько сѣтуешь? Или не хочешь, чтобы Іоаннъ наслаждался тѣмъ блаженствомъ, „еже око не видѣ, ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдѣ“? Если такъ: возьми его обратно.“—При семъ словѣ юный Іоаннъ обнялъ св. Уара и, крѣпко держась за выю его, сказалъ: „Нѣтъ! не отдавай меня родительницѣ; хотя я всѣмъ сердцемъ люблю ее, не отпускай меня опять въ мятежный и развратный міръ: оставь меня навсегда съ собою... А ты, любезная родительница, обратясь къ Клеопатрѣ, продолжалъ онъ: почто плачешь о мнѣ? Если любишь меня, то радуйся моему счастію: я сожитель всѣхъ святыхъ и воинъ Царя небеснаго.“ Видите, какъ Іоаннъ, при всей пламенной любви къ своей матери не согласился возвратиться въ сей міръ, хотя и могъ бы по неотступной молитвѣ матери и по ходатайству св. мученика Уара *).

*) Изъ жизни св. мученика Уара, котораго память совершается 19 октября.

Теперь мы ложимся во гробъ, какъ ложатся на ложе, раздѣвшись для того, чтобы, пробудившись, надѣть новую одежду, которая будетъ приготовлена для насъ во время нашего глубокаго-смертнаго сна. Но наступитъ время,—время всеобщаго воскресенія: и тогда „само тлѣнное наше облечется въ нетлѣніе, само мертвенное наше облечется въ безсмертіе,—и самая смерть пожерта будетъ животомъ.“ Послѣ сего надобно ли жалѣть о томъ, что во время нашего смертнаго сна, приготовляютъ и надѣваютъ на насъ, вмѣсто раздранной и ветхой одежды,— новую, красивую и несравненно лучшую?

Земная жизнь есть школа,—или иначе сказать: пріуготовительное училище, въ которомъ всѣ мы обучаемся для неба и блаженной вѣчности.

Главная цѣль этой школы—раскрыть въ насъ въ возможной полнотѣ и совершенствѣ—тѣ силы и способности, которыми украсилъ насъ Господь,—привести въ правильную гармонію тѣ дары и таланты, которые вручилъ намъ Щедродатель.—Въ этой великой школѣ мы должны всячески исправить себя, искоренивъ тѣ немощи и пороки, которые сродны намъ грѣшнымъ. Въ словахъ Апостола Павла ясно выражается эта цѣль нашей земной жизни: *„отложить ветхаго нашего человѣка съ дѣяньми его, и облещися въ*

новаго, созданнаго по Богу въ правдѣ и въ преподобіи истины“ (Ефес. 4, 22. 23, 24).

Ваши почившіе не долго обучались въ школѣ земной жизни. Господь взялъ ихъ къ себѣ, сокративъ ихъ курсъ обученія: стало быть почившіе успѣли приготовить себя къ вѣчной жизни настолько, насколько было возможно для нихъ. Жалѣютъ ли объ ученикахъ или ученицахъ, когда ихъ за отличные успѣхи переводятъ въ высшій классъ, минуя средній? Такъ не должно и вамъ скорбѣть о тѣхъ, которые, минуя школу многоскорбной временной жизни, безпрепятственно перешли къ блаженной вѣчности.

Если ваши любимцы не успѣли принести здѣсь обильныхъ плодовъ добродѣтели, по сродной природѣ человѣческой немощи и несовершенству то принесутъ тамъ — въ странѣ безсмертія. Тамъ раскроется въ нихъ все то, къ чему положено начало и основаніе; а въ почившихъ, какъ уже сказано, положено доброе стремленіе ко всему благому и истинно-полезному. Тамъ все это раскроется и разцвѣтетъ несравненно лучше, нежели какъ здѣсь развивалось и разцвѣтало. Здѣсь препятствовали сему развитію и чувственныя заботы, и обуреваніе страстей, и печали житейскія; тамъ никто и ничто не можетъ положить какихъ-либо преградъ въ стремленіи ко всему доброму. Вы съ радостію привѣтствуете

рожденнаго, и радостію радуетеся, яко родися человѣкъ въ мірѣ. Зачѣмъ же чрезмѣрно сѣтовать, когда рожденный благополучно оканчиваетъ поприще странствованія, достигаетъ цѣли своего бытія, т. е. вступаетъ въ небесное отечество, для котораго рожденный созданъ и воссозданъ во Іисусѣ Христѣ?

Земная жизнь есть гостинница, а не постоянное наше жилище. Для чего же предаваться безутѣшной скорби, когда странникъ земли выходитъ изъ этой гостинницы и поспѣшаетъ къ своей родинѣ—къ небу? Пусть скорбятъ и сѣтуютъ о разлученіи съ присными язычники, яко неимущіе упованія на безсмертную жизнь. Намъ же христіанамъ не свойственны таковая печаль и скорбь.

Вѣра и упованіе на Промыслъ Божій доставляютъ намъ весьма много утѣшенія среди самыхъскорбныхъ предметовъ. Самая смерть страшна только для тѣхъ, кои не имѣютъ въ себѣ духа Христова, не хотятъ призывать себѣ помощь всемощнаго имени Его и не слѣдуютъ стопамъ Его. Но для тѣхъ, которыхъ вѣра въ Господа была такъ чиста, мирна и исполнена благихъ дѣлъ къ ближнимъ, для тѣхъ смерть не имѣетъ въ себѣ ничего страшнаго Постараемся только содѣлаться истинными христіанами,—и мы будемъ взирать на гробы близ-

кихъ сердцу такъ же, какъ смотрятъ путники на ладью, которая не могши вмѣстить всѣхъ вмѣстѣ отплываетъ напередъ съ однимъ, а потомъ съ другими къ желаемому брегу. Чрезъ 20, а быть можетъ и менѣе лѣтъ или дней, и мы будемъ на этомъ берегу вѣчности. И какъ мы теперь провожаемъ ихъ со слезами, такъ они срѣтятъ насъ, какъ давно ожидаемыхъ гостей и друзей, но не со слезами, а съ радостію. О томъ особенно намъ должно позаботиться, чтобы встрѣча съ ними была и намъ, и имъ не въ укоризну и печаль, а на радость и веселіе. А таковая радостная встрѣча зависитъ отъ благихъ дѣлъ.

Итакъ, именемъ всемогущаго и всеблаго Господа, осмѣливаюсь сказать вамъ, что ваши дѣти не умерли, а уснули и будутъ спать до всеобщаго пробужденія. Ибо той страшной смерти, которою правосудный Богъ угрожалъ нашему праотцу Адаму до паденія его въ раю и намъ потомкамъ, по его паденіи,—для вѣрующихъ въ заслуги Господа нашего Іисуса Христа, нѣтъ, и быть не можетъ: потому что сильная держава смерти разрушена всеспльною смертію и воскреніемъ Христовымъ. Ваши присные безъ сомнѣнія теперь живутъ духомъ и живутъ такою жизнію, въ сравненіи съ коей наша жизнь есть ничто иное, какъ дреманіе.

Вы не вѣрите тому, что ваши любимые не умерли, а уснули. Присмотритесь внимательнѣе сами, и вы ясно увидите здѣсь всѣ признаки сна. Не одинаковымъ ли образомъ и во снѣ закрываютъ глаза? не также ли прерываютъ всякое общеніе съ міромъ внѣшнимъ? Не такъ ли безгласны, бездѣйственны и неподвижны? Вы скажете: отъ обыкновеннаго сна возстаютъ? А отъ сна смертнаго развѣ не возстанутъ? „*грядетъ часъ, въ оньже вси сущіи во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія, и изыдутъ сотворшіи благая въ воскресеніи живота*“ (Іоан. 5, 28). Отъ сна возстаютъ крѣпче, бодрѣе и здоровѣе? Отъ сна смертнаго возстанемъ еще лучше: „*сѣется въ тлѣніе, возстаетъ въ нетлѣніи: сѣется не въ честь, возстаетъ въ славѣ, сѣется въ немощи, возстаетъ въ силѣ, сѣется тѣло душевное, возстаетъ тѣло духовное*“ (1 Корин. 15. 43, 44).

Но для чего этотъ глубокій, продолжительный сонъ и притомъ въ могилѣ? Для того отчасти, для чего и обыкновенный сонъ естественный. Въ тяжкихъ и важныхъ болѣзняхъ, по большей части, сонъ есть одинъ изъ главныхъ признаковъ и первыхъ вѣстниковъ выздоровленія. Подобное врачевство сна, только въ сильнѣйшемъ пріемѣ, требовалось, по паденіи, и для насъ. Настанетъ время, (только потерпите

и пождите), когда всѣ мы, по гласу Архангельскому и трубѣ Божіей, пробудимся и возстанемъ къ вѣчной и безсмертной жизни; но при семъ всегда должны помятовать, что „*сотворшіи благая изыдутъ въ воскресеніе живота: а сотворшіи злая въ воскресеніе суда*“ (Іоан. 5, 29).

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Теперь съ глубокимъ вниманіемъ обратимся къ бесѣдѣ вселенскаго учителя св. Іоанна Златоустаго и выслушаемъ, какъ онъ любомудрствуетъ о усопшихъ и какъ сильно гремитъ противъ тѣхъ, кои чрезмѣрно сѣтуютъ о лишеніи присныхъ сердцу. Не оплакивай отходящихъ отъ насъ, развѣ тѣхъ, которые отходятъ безъ покаянія. Земледѣлецъ не плачетъ, когда увидитъ, что посѣянная имъ пшеница разрушается, но болитъ и трепещетъ, когда она въ землѣ остается твердою. Напротивъ, когда видитъ, что она разрушается, радуется, — потому что разрушеніе ея есть начало будущаго прозябенія. Такъ и намъ должно радоваться (по крайней мѣрѣ не предаваться неумѣренному сѣтованію), при разрушеніи тлѣннаго тѣла, когда оно посѣяно будетъ въ землю. Не удивляйся, что Апостолъ назвалъ погребеніе сѣяніемъ. Это есть наилучшее сѣяніе. За обыкновеннымъ сѣяніемъ

слѣдуютъ заботы, труды и опасности, а за симъ, если только будемъ жить праведно, слѣдуютъ вѣнцы и награды. Послѣ перваго послѣдуетъ опять смерть и тлѣніе, а за симъ начнется для насъ нетлѣніе, безсмертіе и нескончаемое блаженство. Кто воскресаетъ, тотъ никогда уже не умираетъ; тотъ возвращается къ жизни не многотрудной и болѣзненной, но къ той, гдѣ нѣтъ ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія. Если ты оплакиваешь мужа, потому что остаешься безъ защиты и покровительства, то прибѣгни къ общему для всѣхъ Защитнику и Покровителю, всеблагому Богу—къ защитѣ необоримой, подъ кровъ постоянный—всегда и вездѣ о насъ промышляющему.—Но, скажешь, дружеское обращеніе съ умершимъ такъ было для меня вожделѣнно, такъ пріятно, что я не могу теперь не сѣтовать. И я знаю это; однако, если ты покоришься благоразумію и размыслишь о томъ Кто взялъ его,—и о томъ, что ты, перенося великодушно свое сиротство, приносишь свой разумъ въ жертву Богу: то ты въ состояніи будешь преодолѣть скорбь свою; а за безропотное перенесеніе постигшей тебя скорби, получишь отъ Бога блистательнѣйшій вѣнецъ. Если же ты будешь скорбѣть чрезъ мѣру: то скорбь твоя, конечно, пройдетъ со временемъ, но тебѣ не принесетъ никакой пользы. Съ этими мыслями собери еще

примѣры, столь часто встрѣчающіеся въ жизни; приведи себѣ на память и тѣ, которые представлены въ Божественномъ Писаніи. Помысли, что Авраамъ самъ заклалъ (если не дѣломъ, то намѣреніемъ) единственнаго сына своего, но не плакалъ и не произнесъ ни одного хульнаго слова.—То былъ Авраамъ, скажешь ты? Но мы призваны еще къ большимъ подвигамъ,—Іовъ, конечно, скорбѣлъ, но столько, сколько прилично было скорбѣть отцу чадолюбивому и заботящемуся объ отходящихъ отъ него чадахъ. А мы что нынѣ дѣлаемъ? Не однимъ ли врагамъ свойственно это? Если бы ты рыдала и оплакивала того, кто введенъ въ царскіе чертоги и увѣнчанъ: то я не назвалъ бы тебя другомъ его, а явнымъ врагомъ.—Но я, скажешь еще, оплакиваю не его, а саму себя въ настоящемъ моемъ положеніи. И это несвойственно тому, кто любитъ друга своего, желать, чтобы онъ томился ради тебя и подвергался неизвѣстности будущаго тогда, какъ онъ можетъ быть увѣнчаннымъ и достигнуть пристанища; или, чтобы его обуревали волны, когда онъ можетъ быть въ пристани.—Быть можетъ, скажешь мнѣ, мы съ нимъ, (или съ ними) вмѣстѣ также были бы счастливы, какъ и были.—Богъ знаетъ. Ты сама говоришь „быть можетъ“.—Господь лучше нашего знаетъ.—Но я не знаю, скажешь, куда онъ

отошелъ? Какъ не знаешь, скажи мнѣ? Онъ, (или она) жилъ праведно или неправедно, а потому и видно, куда долженъ перейти.—Я сокрушаюсь потому самому, что онъ умеръ грѣшникомъ. Это одинъ предлогъ. Если ты по этому оплакиваешь умершаго, то тебѣ надлежало бы постараться исправить его во время жизни.—Если же онъ умеръ и грѣшникомъ, то и въ семъ случаѣ должно радоваться, а не скорбѣть; потому что прекратились дни его, а вмѣстѣ съ ними и грѣхи его; что онъ не увеличилъ своихъ беззаконій, и, сколько возможно, помогать ему не слезами, а молитвами, прошеніями, милостынею и подаяніемъ. Все это устроено не безъ цѣли, и мы не напрасно совершаемъ воспоминанія объ умершихъ, при совершеніи Божественныхъ таинствъ, пріобщаемся за нихъ, умоляемъ предлежащаго Агнца, подъявшаго на себя грѣхи міра; все это сдѣлано и дѣлается для того, чтобы помочь имъ и исходатайствовать прощеніе. Почему же ты скорбишь? Почему плачешь, когда умершему можно пріобрѣсть прощеніе и помилованіе?—Ты плачешь, что, сдѣлавшись вдовою, потеряла своего утѣшителя? Не говори этого. Ты не потеряла Бога; и, доколѣ Онъ будетъ съ тобою, (а Онъ будетъ съ тобою дотолѣ доколѣ ты будешь съ Нимъ), Самъ будетъ для тебя лучше и мужа, и отца, и сына, и зятя, и всѣхъ, кого бы

ты ни имѣла. Богъ все дѣлалъ для тебя и въ то время, когда былъ у тебя супругъ. А нынѣ въ Немъ ты имѣешь болѣе, нежели кто другой, Утѣшителя, Отца сиротъ, оставшихся съ тобою, и Судію вдовицъ (Псал. 67, 6). Его помощи ищи, и ты узнаешь, что Онъ теперь болѣе печется о тебѣ и о твоихъ чадахъ, нежели прежде, и тѣмъ болѣе, чѣмъ въ большемъ находишься ты затрудненіи.—Не напрасно Апостолъ ублажаетъ вдовство, когда говоритъ: *истинная вдовица, и одинокая уповаетъ на Бога*", (1 Тим. 5, 5), и тѣмъ выше и достопочтеннѣе явится она, чѣмъ болѣе покажетъ терпѣнія. Итакъ, не плачь о томъ, что можетъ увѣнчать тебя.—Рано или поздно ты увидишься съ умершимъ,—и тѣмъ радостнѣе будетъ свиданіе ваше, чѣмъ печальнѣе была разлука. И гдѣ увидитесь?—Тамъ, гдѣ никогда уже не будетъ разлуки.—Вы потеряли сына или зятя?—Не потеряли; и не говорите: потеряли. Это сонъ, а не смерть; переселеніе, а не потеря; переходъ отъ худшаго къ лучшему. Если вы перенесете это великодушно, то отсюда будетъ нѣкоторое утѣшеніе и для умершаго, и для васъ; если же станете поступать иначе, то возбудите только гнѣвъ Божій противъ себя. Говорите подобно Іову: „*Господь даде, Господь отъятъ*" (1, 21). Помыслите, сколько такихъ, кои болѣе васъ угождаютъ Богу, и вовсе

не имѣли дѣтей, и не называются отцами.—И мы, скажете, не желали бы имѣть ихъ; лучше было бы вовсе не имѣть ихъ, нежели имѣть и лишиться,—лучше было бы не испытывать радостей и удовольствія, нежели, испытавъ, сокрушаться потомъ скорбію и печалію.—Нѣтъ, прошу васъ, не говорите и этого, не оскорбляйте Господа подобными словами. Лучше благодарите Его и за то, что получили, и благословляйте за то, что лишились. Іовъ не говорилъ: лучше бы мнѣ не имѣть дѣтей; но и благодарилъ Бога за то, что получилъ: Господь даде, и благословлялъ Его за то, что лишился: Господь отъятъ: буди имя Господне благословенно во вѣки. Такъ поступайте и вы, и всегда представляйте себѣ, что не человѣкъ взялъ у васъ вашего сына или зятя, а Богъ, который и сотворилъ его, и болѣе васъ печется о немъ; знаетъ лучше васъ, что ему полезно и что вредно,—не врагъ ему, или какой либо зложелатель. Также точно пусть разсуждаетъ мужъ о доброй женѣ и хозяйкѣ дома;—такъ пусть разсуждаютъ родные о родныхъ,—другъ о своемъ другѣ,—домочадцы о своемъ домувладыкѣ и проч. Если всѣ мы будемъ такимъ образомъ любомудрствовать: то и здѣсь обрѣтемъ спокойствіе души и будущихъ достигнемъ благъ *).

---

*) Изъ XLI бесѣды на 1-е посл. къ Коринѳ.

Почему же, спрашиваете вы, Господь не творить и для насъ столько чудесъ, сколько творилъ Онъ для древнихъ? наприм. не воскрешаетъ умершихъ такъ, какъ воскресилъ умершаго сына Наинской вдовы—или четверодневнаго Лазаря? Развѣ чудодѣйственная сила Божія умалилась?

Чудодѣйственная сила Божія нисколько не умалилась сама въ себѣ. Но Господь, по премудрости и всевѣдѣнію своему, не видитъ нужды или пользы отъ многихъ чудесъ въ наше время; а потому и совершаетъ чудеса рѣдко тамъ, гдѣ они могутъ производить истинную пользу; а гдѣ не предвидитъ никакой отъ нихъ пользы, тамъ не расточаетъ даромъ чудесъ. Если въ первенствующей Церкви было обиліе чудесныхъ знаменій: то они совершались вслѣдствіе крайней необходимости и нужды. Нужда открывалась въ чудесахъ—чтобы приготовить людей къ принятію новой религіи и новаго образа жизни;—чтобы оградить и укрѣпить вновь насажденный вертоградъ вѣры — юную Церковь Христову;—нужда была увѣрить чувственныхъ людей въ томъ, что имъ дѣйствительно поданы сверхъ-естественныя блага. Такимъ образомъ, все нужда, крайность и нѣкоторая скудость вѣры были причиною чудесъ и знаменій въ первенствующія времена Христіанства; а не богат-

ство, не совершенство какое-либо ихъ и не заслуги. Но намъ предоставлено высокое преимущество вѣры безъ чудесъ. Вѣровать обѣтованіямъ Божіимъ, не видя,—ожидать ихъ исполненія, не требуя доказательствъ,—составляетъ великое достоинство духа человѣческаго, и вмѣстѣ такое блаженство, коего не доставало и Апостолу. *Блаженни*, сказалъ самъ Спаситель Ап. Ѳомѣ, *не видѣвшіи и вѣровавшіи* (Іоан. 20, 29). Хочешь ли знать, въ чемъ состоитъ сіе блаженство? — Въ томъ, отвѣчаетъ св. Златоустъ, „что вѣрующій безъ знаменій вѣруетъ Богу, безъ залоговъ,—вѣруетъ единому Его слову, и, такимъ образомъ, являетъ послушаніе самое чистое:—въ томъ, что ради знаменій сами бываемъ должниками предъ Богомъ, а ради благаго житія и дѣлъ имѣемъ должникомъ Бога. Такъ заключаетъ св. Златоустъ: если бы и нынѣ были знаменія и чудеса, то наша вѣра потеряла бы большую часть своей цѣны“ *).

Въ самомъ дѣлѣ, зависило ли сколько-нибудь дѣло спасенія отъ чувственныхъ-чудесныхъ знаменій? Нисколько. И вопервыхъ, какъ замѣчаетъ св. Златоустъ, были великіе святые, кои не творили ничего чудеснаго, а сдѣлались великими праведниками. „Какое знаменіе“, вопро-

*) Бесѣд. на Матѳ. 24.

шаетъ онъ, Іоаннъ (Крестителъ) сотворилъ?.. Евангелистъ отвѣчаетъ: Іоаннъ знаменія не сотвори ни единаго; а между тѣмъ самъ Господь торжественно засвидѣтельствовалъ объ Іоаннѣ: *„болій въ рожденныхъ женами Пророка Іоанна Крестителя никто же есть“* (Лук. 7, 28). Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ, котораго мертвеца воскресили, или прокаженнаго очистили? Се ликъ Святыхъ просіялъ не чудесами, а благими дѣлами и богоугодною жизнію *).

Съ другой стороны находимъ, что многіе, обладая даромъ чудесъ, не только не умѣли извлечь изъ того для себя никакой душевной пользы, но и совершенно погибли. Ужасный примѣръ сего—Іуда! Никто не сомнѣвается, что онъ, подобно прочимъ Апостоламъ, производилъ чудеса; и однако же, потерялъ не только апостольство, но и самую душу! Чудеса не спасли его: ибо онъ попустилъ овладѣть собою демону корыстолюбія, содѣлался татемъ и предалъ своего Учителя. А что не одинъ Іуда погибъ, и, можетъ быть, погибнутъ многіе съ чудесами,— явно изъ того, что на страшномъ судѣ, по свидѣтельству самого Спасителя,— многіе будутъ говорить Судіи: „Господи, Господи, не въ Твое ли имя пророчествовахомъ и Твоимъ именемъ

*) Бесѣд. на Мате 46.

бѣсы изгонихомъ, и Твоимъ именемъ силы многи сотворихомъ? Сколько чудесъ! Какія знаменія! И однако же, что скажетъ имъ Господь? „*никогда же знахъ васъ, отыдите отъ Мене дѣлающіи беззаконіе*“ (Матѳ. 7, 22).

И такъ видите, что спасеніе наше нисколько не зависитъ отъ обладанія чудесными дарованіями. А если такъ, то нѣтъ основательной причины огорчаться, не видя болѣе между христіанами такихъ чудотворцевъ, какихъ желательно бы вамъ видѣть. Одно только чудо, о лишеніи коего мы всегда должны скорбѣть: это исправленіе нашего, по природѣ злаго, сердца, обновленіе нашей жизни, духовное возрожденіе. Вотъ это чудо будетъ для насъ лучше, благотворнѣе и полезнѣе всѣхъ чудесъ!

Впрочемъ, можемъ ли сказать, чтобы Господь не творилъ и не творитъ для насъ чудесъ? Всѣ прежнія чудеса не сотворены ли и для насъ? Слыша или читая о нихъ, мы также можемъ пользоваться, какъ и очевидцы чудесъ.—Не сотворилъ ли Господь для насъ величайшаго изъ всѣхъ чуда,—не явилъ ли славнѣйшаго воскресенія? Онъ Самъ, вкусивъ за насъ смерть, явилъ намъ свое Божественное воскресеніе, и излилъ благодатныя силы свои по всей вселенной. Не дѣйствуетъ ли благодать Его и нынѣ во святой Церкви, не дѣйствуетъ ли и въ нашихъ серд-

цахъ, желая произвесть въ каждомъ чудо воскресенія? Но это, скажутъ, чудеса невидимыя, неощутительныя. — Итакъ, скажемъ мы, если и ко всему этому люди нечувствительны, *аще Моисея и Пророковъ, или лучше, самаго гласа Божія благодатнаго не послушаютъ*, то *аще кто изъ мертвыхъ воскреснетъ, не имутъ вѣры* (Лук. 16, 31).

Обратимся еще къ Наинской вдовицѣ. Мы видѣли, какъ она была несчастна и безпомощна, и какой великой удостоилась милости Божіей. Познаемъ изъ сего, сколь милосердъ Господь къ людямъ бѣдствующимъ! Онъ отецъ сиротъ и вдовъ, Онъ утѣшитель плачущихъ, врачъ болящихъ, помощникъ безпомощнымъ; скорѣе забудетъ мать дитя свое, нежели Отецъ Небесный забудетъ единого изъ малыхъ тѣхъ, которые всѣми оставлены въ мірѣ. Правда, Онъ не всѣмъ вдовамъ, лишающимся единственныхъ сыновъ, помогаетъ такъ, какъ помогъ Наинской вдовицѣ; не всѣхъ утѣшаетъ такъ, какъ утѣшилъ сестръ Лазаря, воскресивъ брата ихъ; не всѣхъ исцѣляетъ отъ болѣзней; не всѣмъ слѣпцамъ отверзаетъ очи; не всѣмъ разслабленнымъ говоритъ: „возьми одръ твой, и иди въ домъ твой!“ Но Онъ всѣмъ готовъ помочь, всѣхъ готовъ утѣшить многими другими, какими угодно Его премудрости и благости, средствами. Не пріемлетъ

ли Онъ лишающихся дѣтей, или родителей подъ свое покровительство. и не часто ли мы видимъ, что бѣдные живутъ лучше богатыхъ,—дѣти безъ родителей воспитываются и дѣлаются людьми полезнѣйшими для общества? Не даетъ ли Онъ лишеннымъ очей тѣлесныхъ иногда такія очи душевныя, которымъ удивляются самые просвѣщенные? Не предлагаетъ ли всѣмъ свои благодатныя средства, для исцѣленія болѣзней души, такъ что и самый развращенный человѣкъ можетъ спастись и сдѣлаться примѣромъ добродѣтельной жизни для многихъ? Такое исцѣленіе души, такое оживленіе человѣка мертваго духомъ,—есть также чудо, и притомъ большее, нежели исцѣленіе болящихъ тѣломъ, воскрешеніе умершихъ.—Кто же осмѣлится сказать послѣ сего, что Богъ къ нему не милостивъ? Нѣтъ! ты самъ не хочешь Его милости, или не того хочешь, что для тебя полезно.—Предайся Господу съ вѣрою, и возложи на Него все упованіе сердца: тогда ты познаешь, сколь благъ Господь и сколь благо *прильпляться Богови, полагати на Господа упованіе* (Псал. 72, 28). Никогда не должно терять упованія на Господа. Напротивъ, чѣмъ менѣе остается намъ на что надѣяться въ мірѣ, тѣмъ болѣе будемъ надѣяться на всесильную помощь Божію.—Будьте увѣрены, что вѣрующимъ и любящимъ Бога вся споспѣшествуютъ

во благое, и что даже потерявъ все, мы не всего лишаемся; потому что Господь съ нами, для котораго возможно все. Не будемъ однако требовать чудесъ отъ Бога.—Вдовица Наинская не требовала чуда, а заслужила чрезвычайную помощь Божію смиреніемъ и покорностію волѣ Божіей.—Вотъ единственное средство и для насъ получить милость Божію! Смиренный и покорный волѣ Божіей никогда не погибнетъ, никогда не останется безъ помощи вышней.

Намъ вѣрующимъ, хотя и не дано зрѣть на землѣ Спасителя нашего тѣлесными очами и осязать руками нашими, но дано созерцать Его духовными очами вѣры, которыя гораздо далѣе и яснѣе зрятъ, нежели очи тѣлѣсныя. Если же кто изъ насъ еще не ясно созерцаетъ Его въ духѣ, сему причиною маловѣріе.—Хотите ли не только видѣть Спасителя нашего, но и имѣть Его въ сердцѣ своемъ? Безпредѣльная Его любовь не отказала вѣрующимъ и въ семъ небесномъ блаженствѣ. Онъ самую Божественную плоть свою даровалъ въ пищу, и самую всесвятую кровь свою въ питіе намъ, дабы мы могли пріискреннѣ соединяться съ Нимъ—еще на землѣ, въ бренной плоти нашей. — Столь внутренно, и столь существенно соединяясь съ нами въ таинствѣ причащенія Тѣла и Крови своей, Онъ хочетъ быть свѣтомъ ума нашего,

жизнію духа, и всегда обитать въ сердцѣ нашемъ. — Когда сохранимъ въ чистотѣ совѣсти нашей таинство вѣры до конца временной жизни, — Онъ, Всемогущій, преобразитъ и самое бренное тѣло смиренія нашего, яко быти ему сообразну тѣлу славы Его, въ которомъ Онъ явился ученикамъ своимъ по воскресеніи, и явится въ день откровенія славы своея, — во время всемірнаго воскресенія.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

Наконецъ обращаюсь къ рѣшенію послѣдняго вашего вопроса, на который буду отвѣчать вамъ, полагаясь не столько на свое умствованіе, сколько на слова и доводы знаменитыхъ пастырей—писателей русской Церкви. Вы спрашиваете: для чего допущена смерть? Не лучше ли было бы, если бы смерти совсѣмъ не было? Если смерть попрана смертію Христовою, то какъ же она доселѣ попираетъ всѣхъ и каждаго изъ сыновъ Адамовыхъ? А я къ вашимъ вопросамъ прибавлю еще одинъ вопросъ: откуда произошла смерть? Намъ извѣстно изъ св. Писанія, что „*Богъ смерти не сотвори* (Премудр. 1 13); что Творецъ безсмертный не могъ быть Творцомъ тлѣнія и смерти. Итакъ, откуда же явилась смерть? Св. Писаніе прямо производитъ отъ грѣха: „*якоже единымъ человѣкомъ грѣхъ въ міръ вниде, и грѣхомъ смерть, и тако смерть*

во вся человѣки вниде, въ немже вси согрѣшиша“ (Рим. 5, 12). *Оброцы грѣха смерть* (Рим. 6, 23).

Мы сотворены безсмертными.—Отъ Источника жизни могло ли истечь для насъ что-либо кромѣ жизни? И мы совершенно бы наслаждались таковою жизнію. Оставалось бы только переходить отъ силы въ силу, отъ совершенства къ совершенству, идти горѣ къ своему первообразу, Богу, для вѣчнаго блаженства съ Нимъ. Но прародители наши, прельщенные зміемъ, внезапно рипулись долу съ высоты богоподобія за плодами отъ древа смерти и дерзостно вкусили запрещеннаго плода. Съ того времени тлѣніе и смерть собираютъ оброки со всѣхъ сыновъ Адамовыхъ и будутъ собирать, доколѣ тлѣнное наше тѣло не облечется въ нетлѣніе.

Что смерть дѣйствительно попрана смертію Христовою, это видно изъ самаго воскресенія Христова,—изъ возстанія многихъ усопшихъ святыхъ въ часъ смерти Христовой. Пораженіе смерти видно изъ воскресенія людей умершихъ. которое неоднократно совершено было Спасителемъ, а потомъ въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ многократно совершалось истинными учениками и послѣдователями Христовыми.

Попраніе смерти постоянно обнаруживается въ нетлѣніи тѣлесъ многихъ угодниковъ Божіихъ. которое служитъ вѣрнымъ доказательствомъ того,

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

что владычество смерти обезсилено, и прежняя крѣпость и неприступность ея потеряны и упразднены.

По почему же люди продолжаютъ умирать и по воскресеніи Христовомъ, какъ умирали до воскресенія? Потому, что полное торжество надъ смертію должно совершиться въ концѣ бытія міра,—по исполненіи всѣхъ временъ; ибо полному торжеству надъ смертію прилично быть, по совершенномъ окончаніи брани; а теперь еще брань продолжается съ державою смерти.

Правда, въ лицѣ Сына Божія, эта брань окончена, но не окончена въ сынахъ человѣческихъ.— И вопервыхъ большая часть рода человѣческаго доселѣ не имѣетъ вѣры въ распятаго и воскреснаго Господа Іисуса: въ чье же имя даровать имъ безсмертіе? Но мы все еще не рѣшили вопроса, а стоимъ какъ бы на поверхности онаго; углубимся болѣе и пойдемъ далѣе.

Вы желали бы уничтоженія смерти и не разъ спрашивали: для чего смерть допущена? Но что значитъ уничтожить смерть? То-ли, чтобы настоящее тѣло наше въ теперешнемъ его состояніи и видѣ сдѣлать такъ, чтобы оно не умирало? По это невозможно.—Ибо Апостолъ Павелъ ясно говоритъ, что „*плоть и кровь царствія Божія наслѣдити не могутъ, ниже тлѣніе нетлѣнія наслѣдствуетъ*“ (1 Кор. 15, 50). При-

ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

томъ такое безсмертіе было бы для насъ не наградою, а наказаніемъ. Ибо каково это настоящее тѣло? Бренно, слабо, болѣзненно и содержитъ въ себѣ сѣмя неудержимаго разрушенія. И теперь оно во многихъ отношеніяхъ составляетъ для духа тяжесть и темницу; тѣмъ болѣе отяготѣло бы это бремя надъ тѣломъ, если бы оно было безсмертнымъ.

Итакъ, надобно считать великимъ благодѣяніемъ Божіимъ то, что смерть допущена въ грѣховномъ состояніи человѣка: она благодѣтельна, ибо служитъ преградою противъ грѣха,— безъ нея человѣкъ грѣшилъ бы до того, что могъ бы окрѣпнуть во грѣхѣ.

Смерть какъ слѣдствіе грѣха, кажется страшною; и на самомъ дѣлѣ должна быть таковою только для христіанъ—міролюбцевъ, живущихъ одною тѣлесною стороною;—*смерть грѣшниковъ люта* (Псал. 33, 22); но для христіанина, который жизнь свою почитаетъ странствованіемъ на землѣ, который живетъ здѣсь на чужбинѣ, а не въ своемъ отечествѣ,—смерть не только не страшна, но даже желательна и утѣшительна. Ибо таковый (христіанинъ) совершенно увѣренъ, что по смерти онъ будетъ жить со Христомъ, съ Ангелами и святыми.—И то, что говорятъ нѣкоторые изъ святыхъ, что они желали бы разрѣшиться отъ тѣла, и со Христомъ быть,—

слова ихъ не суть поддѣльныя слова земныхъ героевъ или мудрецовъ. Нѣтъ! Это говорятъ они (праведники) отъ сердца. Ибо взглядъ ихъ на смерть, на настоящую и на будущую жизнь, требуетъ именно такого сужденія, а не другаго.

Справедливо, жизнь сія имѣетъ нѣкоторыя пріятности, съ которыми трудно человѣку разстаться: это слѣды любви отеческой со стороны Бога, который оставилъ нѣчто несчастнымъ дѣтямъ въ утѣшеніе, дабы они не пришли въ совершенное малодушіе и отчаяніе и дабы помнили первое свое назначеніе, и, помня, исправлялись. Но худыхъ сторонъ жизнь настоящая имѣетъ гораздо болѣе.—Сколько золъ физическихъ и нравственныхъ! Сколько бѣдствій и нуждъ! Посмотрите повнимательнѣе на міръ людей, когда бываете въ большихъ собраніяхъ,— что увидите, а можетъ быть и видѣли, тамъ? Какое откроется во всѣхъ господствующее чувство? Недовольство, скорбь и ропотъ. Инспуститесь сколько нибудь въ кругъ людей низшихъ,— кто и что тутъ? Нищета, голодъ, холодъ и проч....

Посмотрите во всѣ стороны, — что увидите тамъ? Вездѣ болѣзни, притѣсненія, гоненія и нужды. Что, если бы при этомъ еще человѣку дать безсмертіе? Это было бы тоже, что обратить больницы въ постоянное жилище человѣку. И какъ невыносимо тягостно было бы сіе без-

смертіе, если бы тѣло было таковое же. какое мы теперь имѣемъ! Возьмите въ примѣръ старика съ изможденнымъ тѣломъ и заставьте его жить сто лѣтъ, или болѣе: онъ самъ откажется отъ жизни и пожелаетъ смерти. И тѣ, у которыхъ чувство жизни не развито,—часто бываютъ недовольны настоящею жизнію; что же сказать о тѣхъ, у которыхъ оно развито? Для сихъ тѣло не можетъ не представляться темницею.

Теперь коснемся способностей души человѣческой, — удовлетворяетъ ли имъ настоящая жизнь? напримѣръ: что она для ума? Если бы человѣкъ остался въ семъ мірѣ на 1000 лѣтъ, то умъ его не нашелъ бы для себя пищи, и— при краткой жизни, умы многихъ наскучиваютъ землею и любятъ заниматься мірами дальними— небесными. Вообще чѣмъ болѣе развивается духъ нашъ, тѣмъ болѣе чувствуетъ нужду въ небесной отчизнѣ.—Волѣ долгая жизнь доставила бы еще большее мученіе; и теперь воля, хотя и мало усовершившаяся, страждетъ. при взглядѣ на неправды человѣческія. Представьте же человѣка, пожившаго долгое время и усовершившаго свою волю до возможной степени, какое тогда было бы мученіе для такого человѣка— вѣчно взирать на господствующія между человѣками неправды, на ихъ беззаконія. Нѣтъ, при таковомъ положеніи дѣлъ человѣческихъ, при

таковомъ взглядѣ на настоящую жизнь, кто не согласится, что смерть лучше безсмертія, что умирать утѣшительнѣе для человѣка, нежели жить?—Съ другой стороны увѣренность въ лучшей будущей жизни того, кто живетъ, хотя по мѣрѣ силъ, законно, кто имѣетъ хотя малую надежду на блаженство, такъ же заставляетъ желать смерти, какъ перемѣны на лучшее.

Да, мы обыкновенно страшимся смерти. Чѣмъ же можетъ быть побѣжденъ этотъ страхъ? Главное и самое сильное оружіе противъ сего есть увѣренность, или живое чувство безсмертія. Сознайте вполнѣ, что вы безсмертны, и страхъ смерти исчезнетъ. Но чѣмъ пробудить сознаніе своего безсмертія? Сознаніемъ себя, своей духовности. Чѣмъ возбудить сознаніе своей духовности? Отдѣленіемъ духа отъ тѣла, начатіемъ жизни духовной вмѣсто плотской, и тогда пробудится въ существѣ мыслящемъ чувство безсмертія. Это оружіе противъ страха смерти общее: есть еще болѣе частное. Наполните умъ представленіями истинными, нетлѣнными,—волю желаніями чистыми, святыми; поставьте въ сердцѣ, подобно Царе-Пророку Давиду, законъ Божій; словомъ, напитайте душу предметами безсмертными, вѣчными,—и чувство безсмертія будетъ въ ней непоколебимо, а вмѣстѣ съ симъ и страхъ смерти исчезнетъ. Но особенно чувство безсмер-

тія возбуждается при мысли о Богѣ,—о томъ, что человѣкъ образъ и подобіе Его. Сказавши съ твердою вѣрою: „живъ Господь Богъ“! скажемъ стало быть: „жива будетъ и душа моя.“— Итакъ, увѣренность въ безсмертіи есть единственный оплотъ противъ страха смерти.

Представляя все сіе, нельзя не почитать за великое благодѣяніе любви Божіей къ намъ, что всеблагій и премудрый Промыслитель не изгналъ смерти изъ страны тлѣнія и грѣха и не снялъ съ насъ узъ бренности, и не сниметъ дотолѣ, пока духъ нашъ не содѣлается способнымъ къ воспріятію безсмертія и нетлѣнія.

Подлинно смерть для насъ благодѣтельна: ибо она спасаетъ насъ отъ великихъ золъ и бѣдствій. Вспомнимъ, каковыми мы являемся въ этомъ мірѣ? Всѣ съ великою наклонностію къ злу, которая тѣмъ сильнѣе раскрывается въ каждомъ, (если не будетъ побѣждена силою благодати Христовой), чѣмъ долѣе мы живемъ. Что же служитъ наибольшею преградою злу, внѣдрившемуся въ душу? Не бренность ли естества нашего, и не памятованіе ли о смерти? Смерть и прямо пресѣкаетъ зло во многихъ видахъ, и не прямо преграждаетъ пути грѣху со многихъ сторонъ;—и мы видимъ на опытѣ, что большая часть добрыхъ дѣлъ въ человѣкѣ одолжена своимъ началомъ памяти о смерти. Но вообразимъ,

что гробъ не сталъ болѣе являться предъ глазами людей, что тѣло наше сдѣлалось безсмертнымъ, и всѣ увѣрились, что имъ жить на землѣ вѣчно. Какъ многое у многихъ тотчасъ перемѣнится, и все на худшую сторону. Сколько вдругъ явится замысловъ недобрыхъ, пожеланій душепагубныхъ! Какъ сильно разгорятся страсти! Все это обнаружится въ размѣрахъ великихъ и вмѣстѣ ужасныхъ. Самолюбію не будетъ конца, притѣсненіямъ, честолюбію и гордости не будетъ конца, сладострастію и роскоши не будетъ конца. Все злое сдѣлается безсмертнымъ и вѣчнымъ; одна добродѣтель явится кратковременною и снидетъ во гробъ.

Итакъ, смерть для всѣхъ насъ, даже для самыхъ ожесточенныхъ грѣшниковъ есть, душеполезное пріобрѣтеніе. Грѣшники, будучи обнажены отъ плоти, которой всю жизнь служили, какъ обожаемому идолу, не могутъ болѣе совершать тѣхъ грѣховъ, которые они содѣлывали въ жизни сей; и потому въ день воскресенія и всеобщаго суда примутъ меньшую степень наказанія.

Такимъ образомъ, съ какой стороны ни смотрите на смерть тѣлесную, она представляется намъ хотя зломъ, но такимъ, которое, послѣ паденія человѣческаго, необходимо и полезно.

По сей-то причинѣ смерть и не уничтожена

тотчасъ по воскресеніи Господа Іисуса, а оставлена до конца міра, какъ благодѣтельное средство къ очищенію чувственной природы нашей отъ грѣховъ и къ возбужденію души къ небесному отечеству, удаляя ее отъ пристрастія къ земнымъ вещамъ.

Но въ чемъ же особенно заключается животворная сила смерти Христовой, когда мы всѣ продолжаемъ умирать попрежнему? Въ томъ, что держава смерти побѣждена крестомъ Христовымъ, жало ея притуплено смертію Начальника жизни; что ей оставлена до времени власть только надъ тѣломъ, но узы ея слабы для удержанія духа, который воспаряетъ къ Богу, „иже даде его“; что гробъ христіанина есть лѣствица къ небеси, по которой духъ его восходитъ въ обители Отца Небеснаго; что земля пріемлетъ только земное бреніе, для очищенія и перетворенія его въ тѣло духовное и небесное; что могила удержитъ въ себѣ наше тѣло только до повелѣнія Господня, до гласа трубы Архангела;— въ томъ, что мы всѣ нѣкогда, подобно нашему Спасителю, возстанемъ изъ гробовъ, что мы, и умирая, не умираемъ навсегда, а умираемъ для воскресенія. Безъ принятія плоти нашей Спасителемъ, безъ смерти Его за насъ на крестѣ,— смерть, постигшая насъ въ Адамѣ, была бы для насъ вѣчною смертію. Нисходя въ землю, мы

никогда не вышли бы изъ земли къ блаженной жизни, а сходили бы чрезъ всю вѣчность все ниже и ниже, по безпредѣльной глубинѣ ада, а теперь мы сходимъ по лѣствицѣ смерти и тлѣнія для того, чтобы, прошедъ ею, взойти на небо. Теперь смерть для насъ такой адъ, который, будучи перетворенъ на крестѣ кровію Христовою, сдѣлался врачевствомъ противъ самого себя. Послѣ сего, можетъ ли страшить насъ такой врагъ, который, при всей лютости, побѣжденъ и связанъ крѣпльшимъ его? Каждый христіанинъ можетъ теперь говорить съ Пророкомъ: „*аще и пойду посредѣ сѣни смертныя, не убоюся зла, яко Ты, Господи, со мною еси*“ (Псал. 22. 4)!

Обращая вниманіе на настоящее тѣло, въ грѣховномъ его состояніи, можно ли и должно ли пожелать ему безсмертія? Нѣтъ. Всякій изъ здравомыслящихъ признаетъ его тягостнымъ для души и скажетъ: чѣмъ долѣе тѣло продолжаетъ жить, тѣмъ становится тягостнѣе. Если же таково тѣло наше, то нельзя роптать на Промыслъ Божій за то, что Онъ не далъ ему безсмертія: мы сами признали его недостойнымъ безсмертія, сами осудили на смерть.

Намъ желательно промѣнять настоящее наше тѣло на лучшее и совершеннѣйшее. Творецъ всего и это сдѣлаетъ для насъ: намъ обѣщано тѣло славное, несравненно лучшее и совершен-

нѣйшее. которое и получимъ въ опредѣленное Богомъ время.

Еще желательно, чтобы перемѣна сія произошла безъ страха и безъ болѣзни. Но возможно ли это? Внимательно присмотрѣвшись къ сему, мы видимъ, что перемѣна сія не можетъ произойти безъ неудовольствія и безъ болѣзни. Почему же такъ? Потому что смерть есть слѣдствіе грѣха. Что же это было бы за слѣдствіе грѣха, если бы оно не было соединено съ болѣзнями? Тогда бы человѣкъ ни мало не страшился грѣха и продолжалъ бы грѣшить безбоязненно.

Смерть праведниковъ тиха: она по справедливости для нихъ есть успеніе и успокоеніе; только смерть грѣшниковъ люта. Но требовать у всеблагаго Бога, чтобы Онъ, не смотря на наши грѣхи и беззаконія, сдѣлалъ для всѣхъ насъ смерть легкою, было бы съ нашей стороны высшее безуміе и крайнее преступленіе.

Вы пишете, что невольно текутъ слезы при разлукѣ съ почившими. Правда, нельзя, чтобы не излетѣлъ изъ сердца тяжкій вздохъ, когда падаетъ на него тяжелый ударъ. Нельзя не плакать и при временной разлукѣ съ любимымъ предметомъ,—тѣмъ болѣе при разлукѣ смертной. Можно ли не чувствовать боли, когда вонзаются въ тѣло острые терны? Такъ и настоя-

щая ваша утрата не розы утѣшенія для васъ, а острые терны печали; не пальма мира душевнаго, а крестъ скорби и страданія. Но мужайтесь и крѣпитесь, бодрствуйте и подвизайтесь. Видите ли, откуда направленъ ударъ?— Съ неба, отъ самаго престола Божія! Примѣчаете ли, чья рука подастъ вамъ растворенную чашу скорби? — Рука самого Отца небеснаго! „*Господь даде, Господь отъятъ*“, говоритъ непреложное Его слово. Что причиною сего отъятія? Любовь, безконечная любовь Отца Небеснаго, который ради насъ не пощадилъ и единороднаго Своего Сына: „его же бо любитъ Господь наказуетъ, біетъ же всякаго сына, его же пріемлетъ.“ Для чего біетъ? „да вмалѣ наказани бывше, великими облагодѣтельствовани будемъ.“ Будемъ ли, послѣ сего, жаловаться и скорбѣть, что милосердый Господь, для нашего вѣчнаго счастія, находитъ нужнымъ расторгать наши земныя узы родства и дружбы? Можно поскорбѣть развѣ о томъ, что узами временными дорожимъ болѣе вѣчныхъ, жизнію настоящею болѣе будущей, землею болѣе, нежели небомъ. Ежели крѣпка любовь плотская, то не гораздо ли крѣпче любовь духовная, которой не можетъ расторгнуть ни смерть, ни животъ, ни настоящая, ни грядущая? Если крѣпки узы земнаго сожительства, то не стократно ли крѣпче тѣ

благодатныя, вѣчныя узы, коими всѣ мы связуемся въ одно духовно-таинственное тѣло Христово, и коихъ никакая сила расторгнуть не можетъ? Если утѣшительно и чувственное, видимое общеніе другъ съ другомъ, то менѣе ли утѣшительно духовное общеніе молитвы, которое не подчиняется условіямъ времени, не прерывается разстояніемъ мѣстъ, объемлетъ и соединяетъ время и вѣчность, небо и землю, міръ дольній и горній? Посему и сквозь слезы должно благодарить Господа, Который, чрезъ пресѣченіе временныхъ удовольствій, возбуждаетъ нашъ духъ къ исканію вѣчнаго блаженства, влечетъ сердце къ небу, гдѣ наше всегдашнее жилище, разлучаетъ на время, чтобы лучше приготовить къ вѣчному соединенію въ царствѣ славы. Что было бы съ нами, если бы Господь никогда не пробуждалъ насъ ударами своего гнѣва, оставлялъ насъ болѣе и болѣе погружаться въ безпечность! Не было ли бы сіе оставленіе знакомъ вѣчнаго отверженія нашего отъ лица Божія?

Но каково же терпѣть сіи удары? Кто же не согласится съ вами, что очень тяжело. А безъ этого не было бы и терпѣнія, не было бы и награды за терпѣніе; а христіанинъ не можетъ быть истиннымъ послѣдователемъ Христовымъ безъ терпѣнія. Впрочемъ, христіанское

терпѣніе уже само въ себѣ заключаетъ награду. Крестъ временной скорби, освященный живою вѣрою въ милосердіе Божіе и преданностію святой волѣ Его, лучше и скорѣе всѣхъ земныхъ радостей уврачуетъ раны сердца, растерзаннаго скорбію, очиститъ и освятитъ духъ, и содѣлаетъ его достойнымъ жилищемъ самого небеснаго Утѣшителя. Горестна разлука съ умершими? Но отъ насъ зависитъ никогда не прерывать общенія своего съ ними. Духъ нашъ, окрыленный молитвою, способенъ проходить небеса, возноситься до самаго престола Божія, обнимать всѣхъ и все. Впрочемъ, надолго ли наша разлука съ почившими? Единою лежитъ умрети всѣмъ, и исключенія нѣтъ ни для кого. Гласъ Господень, призывающій насъ къ вѣчности, не минетъ и нашего слуха, а всемогуществу Божію нельзя противиться. Но жизнь человѣческая, какъ бы ни была благоплодна и хороша, все еще неполна и несовершенна, если не вѣнчается хорошимъ вѣнцомъ. Этотъ златый вѣнецъ жизни нашей—есть мирная христіанская кончина,—залогъ непостыднаго отвѣта на страшномъ судищи Христовомъ. И въ семъ отношеніи вы должны благодарить Господа, сподобльшаго вашихъ присныхъ очистить себя покаяніемъ, соединиться съ Господомъ причащеніемъ плоти и крови Его. А мы вѣруемъ Бо-

жественному обѣтованію: „*ядый мою плоть и піяй мою кровь имать животъ вѣчный*“. (Іоан. 6, 54). „*Вѣруяй въ мя, аще и умретъ, оживетъ*“ (Іоан. 11, 25).

Съ сею вѣрою въ безконечныя заслуги и неизреченное милосердіе сладчайшаго Искупителя нашего Іисуса Христа и въ дѣйственную силу молитвъ Церкви небесной и земной, провожая другихъ въ небесное отечество, будемъ и сами готовиться на всякій день и часъ оставить землю и все земное, явиться на небѣ предъ всѣми святыми Божіими и предстать страшному судищу Христову. При таковомъ расположеніи духа не только не возмутятъ насъ временныя скорби, но и самая смерть не будетъ страшна для насъ, по словамъ Іова: *смерть мужу покой* (3, 23);—и *умерый бо освободился отъ* грѣха (Рим. 6, 7).

2006409832